

БАКТРИЯ
Культурный Центр

ОКНО
Бюллетень Бактрии

Там, где встречаются
люди и творчество

Май | 2010
Июнь Выпуск 3

В этом выпуске:

Fete de la Musique
Интервью с Ивом Дормуа
| 2

Таджикистан, часть 1
Душанбинский джаз-
фестиваль
| 3-4

Современное искус-
ство в Торговом
пространстве
| 5-6

Неизбежное неизбежно?
В романе Жилберна Синуэ
| 7

Fete de la Musique | Интервью с Ивом Дормуа

Alors, quelles sont les particularités du genre musical sur lequel vous vous concentrez dans votre travail ? Quelles sont les particularités du genre musical sur lequel vous vous concentrez dans votre travail ? Каковы особенности музыкального жанра, в котором вы работаете ?

Я пришёл к (этой) музыке через джаз, точнее через наиболее свободную и импровизационную его форму, до сих пор меня не покидает ощущение, что я джазовый музыкант, несмотря на то что, или скорее потому что в моей музыке всё больше элементов, привнесённых из других музыкальных культур, таких как электронная музыка, рок, музыка Центральной Азии. Суть джаза, от его зарождения до наших дней, содержится в том, чтобы объединять, смешивать, заимствовать, противопоставлять и совмещать самые разные или даже самые странные элементы.

*Pourquoi faites-vous de la musique électronique ?
Почему электронная музыка ?*

Я не занимаюсь электронной музыкой! Я пользуюсь инструментами электронной музыки, такими как компьютер, заимствую идеи и звуки.

Термин электронной музыки включает в себя множество различных музыкальных стилей, от наиболее популярных, как техно, до наиболее экспериментальных, таких как акустатика. Идеи я черпаю отовсюду, без предрассудков. Это по идее нечто вроде идеи использования сэмплов, развившейся в отдельный музыкальный стиль! С моей точки зрения, в результате всё равно получается джаз, конечно не тот джаз, который преподаётся в консерваториях, смыслом которого считается бесчисленное повторение тех же самых стандартов, сочинённых в шестидесятые годы, а тот, который всегда ищет новые формы и новое содержание.

Quelles sont les motivations dans votre projet coopération avec les musiciens traditionnels tadjiks ?

Что привлекает вас в проекте сотрудничества с таджикскими музыкантами ?

Мы упоминали различные виды электронной музыки. Мне кажется, в традиционной музыке созидание происходит схожим путём. Вот и я стремлюсь познакомиться с иными музыкальными формами и культурами с целью сделать джаз ещё богаче, создать эффект неожиданности, совместить или противопоставить эти элементы, выделить их сходства или противоречия. В Центральной Азии я открыл для себя многие

пласты музыкальной культуры, которые показались одновременно и новыми, и знакомыми. В них отражается то, что я ищу в музыке, не смотря на то, что к сожалению я не обладаю никакими музыковедческими знаниями. В мире нет, или я просто не знаю, более близких мне по духу музыкальных традиций.

Qu'est-ce que les musiciens tadjiks peuvent attendre de cette coopération ?

Что таджикские музыканты могут ожидать от данного совместного проекта ?

С моей стороны было бы весьма опрометчиво стремиться что-либо преподавать таджикским музыкантам. Сила их музыкальной традиции уже самодостаточна сама по себе. Хотелось бы скорее предложить им образовать некую музыкальную вселенную, внутри которой они были бы готовы свободно импровизировать, создать звуки и ритмы, на которые они бы смогли наложить традиционные мотивы их музыки, в надежде что столь необычное совмещение позволит ещё лучше отразить богатство их музыкальных традиций.

Avez-vous des expériences de coopération artistique en Asie Centrale et comment les décrivez-vous ?

Какой опыт совместных музыкальных проектов у вас уже был и как бы вы его описали ?

Я познакомился с узбекской традиционной музыкой по случаю концерта, который я и Рудольф Бургер дали в Ташкенте в 2005 г. в сотрудничестве с узбекскими музыкантами. Наши встречи оказались настолько продуктивными, что с тех пор мы продолжаем регулярно играть вместе. Они стали поистине участниками нашей группы. Для меня их музыка не является экзотической.

Именно ощущение нормальности, естественности я и стремлюсь увидеть в ходе нашего сотрудничества с таджикскими музыкантами, и я хочу создать вместе с ними и на основе их музыки нечто естественное, само собой разумеющееся.

Там где встречаются люди и творчество

www.bactria.net

Таджикистан, часть 1. Душанбинский джаз-фестиваль

Деметриус Спаниас, участник Второго Душанбинского Джаз Фестиваля 2010, мы предлагаем вашему вниманию отрывок из его блога

...Как оказалось, лидер группы Мизроб, Икбол Завкибеков, пишет музыку для фильмов и много занимается осовремененной традиционной музыкой, с добавлением элементов рок и поп музыки, например обрабатывая звук электрогитары гитары в контрасте с традиционными инструментами. Получается ... интересно. Я уже замечал такого рода творчество во многих восточноевропейских странах, когда их представители берут традиционные стили и придают им дополнительную привлекательность, добавляя элементы популярной, танцевальной или кинематографичной музыки.

Первая репетиция была, так сказать, прогоном, и доводкой их композиции, в которой я играю, из моего сочинения, над которым, если быть честным, они до этого совершенно не работали. Их сочинение относится скорее к эдакому таджикскому стилю поп-музыки, с гитарными риффами в стиле почти классического рока, где сопрано-саксофон исполняет более традиционную мелодию, в более, если можно так выразится, традиционном стиле. Мелодия, благодаря этим гитарным риффам, получилась запоминающаяся, хоть и простая, призванная заечь аудиторию. Много о ней не расскажешь. В мелодии собраны основные элементы каждого из стилей, и тем не менее это сработало – слушатели наверняка уйдут, напевая этот мотив. Я тоже участвую, добавляя немного альт-саксофона, и соло с импровизацией, скорее в моём собственном стиле, который те, кто слышал мои выступления, опишут как вольное сочетание Грувера Вашингтона-младшего и Эрика Долфи. Мне кажется, я их совсем немного испугал ...

Так или иначе, моё сочинение (*Открытое письмо Душанбе*) оказалось для них трудновато. Я был прав, что переписал его полностью перед тем как отправить. ...они не читают музыку, а если и читают, то совсем немного, а те, кто может читать ноты, не утруждали себя этим.

Самым сложным было показать ритм самбы. Я как раз таки думал, что это будет легко, а объяснять гармоническую структуру будет сложно – и в этом я ошиб-

ся. Икбол прекрасно понял гармоническую структуру моего сочинения, а вот ритм самбы... барабанщик всё стремился играть рок. Я так понял, тут в музыке есть два стиля игры, таджикская музыка и рок, джаз выпадает из внимания, а ритм самбы – лучше махнуть рукой! В конце концов, ближе к концерту, я смог добиться, чтобы он играл нечто похожее... Не знаю уж, как у нас это получилось, но он стал играть нечто схожее с калипсо. Я был этому рад – «Молодец! Отлично! Так и играй!».

Другой трудностью было вдохновить парней на немного, так сказать, бешеную игру, ибо они, играя даже в знакомом им стиле, держат себя в руках и стремятся играть как можно точнее. Конечно, традиционная музыка стремится к консервативному подходу. Играть мою музыку для них оказалось упражнением на гибкость ещё и потому, что в нём много места

занимает импровизация, к чему они не привыкли, а мой русский абсолютно недостаточен, чтобы объяснить, что мне хотелось, чтобы все в конце произведения просто ... взбесились.

Под конец участники группы это поняли, или хотя бы некоторые из них. И конечный результат был просто потрясающий. Мы выступали последними в самый последний день фестиваля. Сам фестиваль не вполне удался из-за перегруженной программы и организационных моментов. Любой фестиваль провалится, если ставить в программу концерты-марафоны внутри концертного зала, особенно когда речь идёт о джазовом фестивале, где слушатели должны иметь возможность свободно приходиться и уходить. Мне было скучно, всем было скучно, и место проведения было скучное, в нём всё дело. Всё

Таджикистан, часть 1. Душанбинский джаз-фестиваль *продолжение...*

это соответствует типичному для всего бывшего СССР консервативному подходу к джазу, а впрочем и ко всем видам искусств.

Консерватизм тут стоит во главе угла. В Советском Союзе джаз считался дегенеративной музыкой, и мне часто приходилось доказывать обратное, и его играли тайком. Теперь же ему грозит превращение в нечто академическое. Студенты в ходе обучения призваны полностью копировать игру наиболее популярных исполнителей, и даже наиболее известные записи. Я встречал весьма талантливых музыкантов, но очень часто креативная импровизация полностью отсутствовала. Они просто частично или полностью копировали соло других музыкантов. Как я уже упоминал, такое встречается в странах, где у власти стоя-

ет это каждый из выступающих. И встреча, которая могла бы завершиться за тридцать минут, растягивается на два с половиной часа. Это глупо, каждый распространяется о «блестящем таланте и провиднической инициативе» руководства, о «мастерстве исполнения» того или иного участника, о «приверженности высокохудожественной философии»... Последнее выражение мне особенно нравится. Получается сплошная философия, ничего конкретного. Ведутся речи о философском подходе, участник гладят друг друга по спинке (в данном случае в ходе семинара я использовал более вульгарное выражение, но повторять его я не буду, ради детей, ведь никогда не знаешь, кто будет читать эти строки). Получается придворная беседа вельмож.

Ну вот, а потом дошла очередь до меня. И я высказался по полной.

Рассказал о том, как передают традицию джаза и преподают его на Западе, и как могло бы быть полезным перенять такой подход. Посоветовал отказаться от концепции мастер-класса как лекции и превратить его в рабочий семинар, более полезный для учащихся, чем когда артисты наслаждаются собственными речами. Предложил почаще приглашать западных музыкантов, так как студенты здесь учатся в некоем вакууме, перенимая путём имитации, вместо непосредственного общения с носителями традиций. Сказал, что если они хотят до-

биться успеха, им нужен более соответствующий стилю джаза подход, не запирайте его в концертном зале, заставляя слушателей оставаться там пять часов только потому, что это считается культурным досугом. И наконец, попросил всех прекратить похлопывать друг друга по спинке (тут можете вставить вульгарное выражение), так как это ни для кого не представляет особой пользы и лишь тешит самолюбие ...

ли, а зачастую до сих пор находятся, коммунистические режимы. Джаз стал академическим предметом изучения, сродни классической музыки. Соло импровизации великих музыкантов заучиваются как этюды, и должны быть с точностью заучены. Я слышал это у многих коллективов, вне зависимости от страны их происхождения, в течение всего фестиваля.

В один прекрасный момент мне пришлось встать и высказать свою точку зрения на это...

В завершение фестиваля прошёл круглый стол с участием всех коллективов, или хотя бы их представителей. Его целью было заявлено обсуждение положительного и отрицательного опыта Фестиваля и пути его совершенствования. Так вот, одной из уникальных и откровенно скучных традиций бывшего СССР является необходимость горячо и обильно высказать дань уважения руководству, организаторам и участникам фестиваля, даже когда изначально целью ставилось определить, что же было не так. Причём дела-

Деметриус Спаниас

<http://www.dspaneas.com/2010/06/tajikistan-i-dushanbe-jazz-festival/>

Современное искусство в торговом пространстве.

Прошедшая с 30 марта по 12 апреля, выставка в некогда элитном торговом пространстве - ЦУМ-е, законсервировавший отголоски прошедшей эпохи и пытающийся сохранить торговую актуальность в эпоху нынешнюю, по задумке идейных организаторов Швейцарского Офиса по Сотрудничеству ЦУМ стал оригинальной площадкой для современного искусства.

«Модальность» - должествование, само понятие подсознательно ассоциируется с законом, но не с юридическим, а с общественным устоем, наруше-

ние которого приведет к осуждению и порицанию.

Так что же куратор Джамшед Холиков и современные художники хотели отобразить «модального» в гендерных отношениях?

Несколько работ можно объединить под концепци-

ей «все гениальное -просто», истина проверенная временем, как и основа для коллажа Сулеймана и Озара Шарифи «Утраченная тайна», Мона Лиза да Винчи. Шедевр и юмор - беспроегрешный вариант. На первый взгляд работа кажется стёбом над шедевром из школьного учебника, но подобную тенденцию мог подметить только художник, наблюдающий в каждодневной жизни, как бесконечные женские хлопоты ставят в рамки, а в данном случае это рамка оригинального размера шедевра, социальное развитие женщины.

Работа Алексея Румянцева «Тай Kung Fu» для многих посетителей поначалу казалась неприметной, поскольку перекликалась по диагонали с вывеской «Спортовары» где считаются универсальные коды спортивных игр. А баннерная печать производит эффект массового производства, дешевой рекламы. Но все же подобное неслучайное расположение придавало больший смысл работе. Рабочий как спортсмен - борец в различных стойках, словно отрывок из ксерокопированной брошюры начала 90-х, периода появления первых экшн фильмов с восточными единоборствами, когда взрослеющие подростки мечтали быть похожими на героев этих фильмов, а сейчас возможно рассекающие стену по технике «Тай Kung Fu».

Другая работа Алексея «Первомай» выполненная в технике папье-маше. Образ мальчишки торгующего пакетами на рынке облачает формулу существования семьи, отец - гастарбайтер, матьскольких детей, старший бросил школу... А гантеля подпирает его, и как бы подгоняя его тележку вдогонку за клиентом с фразой «Ёрдам». Однако работа очень сильно терялась на фоне гламурной невесты - инсталляции «Паранджа» с одной стороны, а с другой стороны ее оттеняла работа Веры Карнаухова «Меня мать родила для любви». За жизнерадостными цветами на гобелене, а местами неестественно кислотными, на самом деле кроется трагедия женской участи, когда быт кажущийся вполне естественным в нашем обществе, обрезает крылья девичьим мечтам. Работа затерялась в начале экспозиции, работа, требующая отдельного пространства и более аккуратной техники исполнения.

Современное искусство в торговом пространстве. *продолжение...*

Тенденция в мире такова, что все чаще художники для достижения своих целей и осуществления идей используют перформанс. Примечательно что, «Модальность» открылась перформансом студенток художественного колледжа Веры Карнауховой, Умеды Кутфудиновой. Сама идея перформанса «Единство в многообразии» актуальна для нашего общества, но техника исполнения оставляет желать лучшего. Возможно, та небрежность, с которой были сшиты костюмы для перформанса, могут быть и частью задумки, но синхронность и отточенность исполнения должны быть на порядок выше. И очень важен звук, бесшумность или звук обуви?

Слайд-шоу Гайрата Усмонова «Танец огня» отсылает к проблеме самосожжения женщин, жертвам традиционных устоев и безысходности жизни. Звуковое сопровождение рисует тонкую грань между танцем огня и танцующей в огне. И как это не печально, женский образ, танцующий в огне сильнее. Фото серия «Дверь» отнюдь не образ домашней клетки,

Холикова «Добро пожаловать в Эдем», наводит на мысль о непрерывающейся цепи цикличности и закономерности женской судьбы в Таджикистане. Где это слабое звено? Рождение девочки, родительское

воспитание? А может устои как клетка? Ведь европейский покррой, как подметил художник, не гарантирует выхода из цепи.

Конечно для среднестатистического посетителя выставки «Модальность», календари, по смысловой нагрузке больше похожие на борьбу с наркотиками и различный промо материал одних из спонсоров выставки явились частью экспозиции в силу того, что они пересекались с пространством выставки и нарушали стерильность выставки в целом. Здесь всплывает проблема восприятия современного искусства в целом основной массой, а именно привлечь большее количество посетителей было одной из целей идеологов проекта. Современное искусство Таджикистана вышло в новое выставочное пространство. И появилась необходимость проведения разъяснительных работ с неподготовленным посетителем.

но та гладкая лакированная поверхность слегка отсылает к монументу построенного обществом во имя женщины, женщины-рабыни за высоким благополучным забором.

Комичная на первый взгляд фотосерия Джамшеда

Анна Басанова, независимый журналист

Неизбежное неизбежно? В романе Жилберна Синуэ.

Неизбежное неизбежно? В романе Жилберна Синуэ.

Страница жизни перевернута, прошлое стерто и забыто. Нет больше той всепоглощающей любви, некогда способной сжечь вулканической лавой страсти всю сущность Рекардо Викаресса при малейшем прикосновении Флоры – его первой настоящей любви и счастья жизни. Она вырвана с корнем из сердца навсегда. Ничего не имеет для него в этой жизни смысла, лишь женщина которую он кажется ночь видит во сне. Женщина, ушедшая из жизни три тысячи лет назад и которая снова возродилась в его снах, чтоб воссоединиться с ним после их долгой разлуки.

Жилберн Синуэ – психолог-фрейдист, знаток самых глубинных и сокровенных чувств, ярко рисует в воображении главного героя своего романа «Дни и Ночи», Рекардо Викаресса, несчетные плотские фантазии из его прошлой жизни, которые лишают его покоя, искушают, вводя в состояние экзальтации. Одержимость и не покорное желание вводят Рекардо Викаресса в состояние отрешенности от внешней реальности. Все ощущения достигли в нем неведомой до той поры напряженности. Он прожил бесконечную пеструю жизнь, умер и снова родился, любил с безум-

ной страстью, и затем снова настала вечная разлука с возлюбленной. Загадочная кикладическая статуэтка (погребальная статуэтка древней Мinoйской культуры, используемая в обряде жертвоприношения богам мужчин и женщин), ни кому неизвестный круглый остров, разрушенный храм на Крите, безмолвный Кносс, неотчетливые настенные изображения, лабиринты улиц древней Греции и всюду она – Сара, девушка из жизни во сне – образы которые он видел каждую ночь, вновь и вновь. Он не знал, что делать, его терзала слабость. Он думал однажды перестать дышать, перестать думать, замолчать навсегда, оцепенеть или же наоборот, крикнуть так чтоб весь мир содрогнулся, и вырвалось с груди это томление... Но ничего он не добился этим. Все обернулось в прах. Влекло его только будущее – будущее, увиденное во сне и предсказанное индейцем Янпа-совершить великое путешествие. Индеец-шаман – символ потустороннего мира и сверхъестественной силы – последний

из племени тухуельчей и он, Рекардо единственный из племени хейрока – оба одиноки в этом мире под тяжестью бремени судьбы. Он неустанно пытался поймать за ниточку ускользающий смысл, все объяснить и понять доведенный до отчаяния неизвестностью и беспокойством, пытается найти утешение у того, который все знает и поверит ему, разгадать тайну снов. Но обращение к известнейшим психоаналитикам Бона-Сайреса – Ансельмо Толедано и Адельме Майзани еще глубже сбрасывают героя в бездну непостижимого. Психоанализ он признает научным бредом и неспособным истолковать его сновидения и состояние души. Он более терпеть не мог, сердце сжималось в кулак и камнем билось в неволе о грудь – он сжег все символы, сжег все корни, бросил дом, где родился, плантации и ранил сердце единственной женщине, которую понастоящему любил...и покинул Аргентину. Слово какой-то голос вел его, что он увидит Сару, шептали ветер, земля, деревья, реки и моря – ничего не было известно ни об ужасах, через которые он пошел, ни о бурях, угнетенных судьбой...Ему предстояло преодолеть двадцать два дня пути и тысячи километров расстояния, но он твердо верил

в свой внутренний голос и надежда его была непоколебима.

Он победил всех. Он вырвал из рук судьбы правду и подтверждение своим снам – он не безумен. Каждый обрывок, фрагмент пережитого сна существовал, но она – Сара, если там его любовь, или это всего лишь призрак его фантазии? Археологи Эванс и Мариос Стергиу раздвинули перед ним занавес нагроможденных друг на друга таинств – все существует, и загадочная кикладическая статуэтка, и никому неизвестный круглый остров, разрушенный храм на Крите, безмолвный Кносс, неотчетливые настенные изображения, лабиринты улиц древней Греции, и Тира – город, где умер Рекардо, где он узнал Сару – город, погребенный под вулканической лавой. Не теряя ни секунды –ждал он уже три тысячи лет, мчится к Александру Влазки, художнику, когда-то, как и Рекардо, с заброшенным прошлым, но без надежды в будущее. Он знал, как найти девушку с родинкой на щеке в этом маленьком чудесном городке размером в 80 квадратных километров, чьи жители, просиживая у окон своих домов, знали друг друга в лицо. Они говорили весь день и всю ночь, как старые друзья после долгой разлуки. Это был сумбурный диалог двух мужчин – один ищущий любовь – другой когда-то потерявший ее, перешедший в откровенное выражение самых скрытых чувств.

Почему художник так настаивал сопровождать, и почему решил наблюдать за развитием этой истории, может, желал найти подтверждение своим собственным опасениям, либо подобно одержимому вновь обрести с помощью Рекардо эмоции, когда-то испытанные им самим? Буд-то Пигмалион, просил он Бога о встрече – ней, с Сарой – кому он посвятит себя. Феста – город, где жила девушка, описанная им, словно создана собственноручно. Захлебываясь от избытка чувств, он помчался как сумасшедший – в Фесту и нашел свое счастье. Стройность и хрупкость ее тела сочетались с теми чарами, что дивно расцветают в сложившейся женщине. Она была безупречна. Взгляд Рекардо долго покоился на Саре и не мог подметить ни малейшего изъяна, ничего, что следовало бы дополнить или убавить. Неужели это любовь, непреодолимый зов, властное желание сжечь себя дотла, превратиться в пепел...и одержимость жить вместе с человеком, который чувствует тебя, быть с ним единым целым, дышать, жить, мыслить только им... Любовь, которой завидуют даже боги, любовь, которая случается далеко не со всеми. Любовь, от которой мутнеет разум, которая вводит в забвение.. Любовь, которая приносит счастье и смерть и...Боги, которые никогда не позволяют существовать такой любви. Счастье и рок, которые ходят всегда вместе. Любовь Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты... И такой же конец. Стоит ли искать ее, ради того, чтобы прожить с человеком пару дней и снова погибнуть... через 3 тысячи лет, возродиться, вспомнить, пуститься на поиски. Не ведая о будущем. Вот они уже плывут в Аргентину, Рекардо, пылко прижав к себе, желая раствориться в Саре, словно чувствуя беду обнимает ее крепко, боясь вновь потерять ее на три тысячи лет.... но корабль их судьбы терпит крушение.

Роман «Дни и Ночи» по жанру можно назвать психоаналитическим этюдом, философской сказкой. Роман несколько надуман, фантастичен, идея цикличности, переселении душ, хоть и не нова, но придает произведению Жилберна Синуэ огромный разгул фантазии. Автор как бы предостерегает читателя о бессилии человека над природой, о тщетном стремлении изменить неизбежность, идя наперекор судьбе. Это придает роману пессимистичность.

Читал Сухроб Мирзоалиев

